

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/53/12

О.В. Метель

ДИСКУССИЯ НА «ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА» И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В 1920–1930-е гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50040.

Автор обращается к изучению материалов нескольких дискуссий, прошедших в СССР в 1930–1931 гг. на «западном участке исторического фронта». Автор полагает, что дискуссии о германской социал-демократии, буржуазных историках Запада в СССР и достижениях советских историков-марксистов в области анализа истории промышленного капитализма и империализма носили схожий характер. Они были призваны подвести черту под предшествующим этапом развития советской «западноисторической» науки и «мобилизовать» историков на решение политически актуальных проблем. Названные обсуждения сыграли значительную роль в утверждении партийного контроля над советской исторической наукой.

Ключевые слова: советская историография; история Запада; Коммунистическая академия; Общество историков-марксистов; Коминтерн.

Период 1920 – начала 1930-х гг. вошел в историю советской исторической науки как время кардинальных перемен, приведших к превращению исследовательской традиции в особый участок «идеологического фронта», на котором, так же как и на других «фронтах», шли непрерывные «бои» за построение социализма. В этих «сражениях» рождались базовые черты советской историографии, одной из которых стала идея практической полезности исторического знания для нужд социалистической реконструкции. Как утверждал М.Н. Покровский, основная задача историков должна заключаться в соединении теории с практикой, «в увязке той исторической работы, которую мы ведем, с борьбой пролетариата против наемного рабства» [1. С. 7]. Одним из этапов этой борьбы за практическую полезность истории стала так называемая дискуссия на «западном участке исторического фронта», прошедшая, согласно устоявшейся традиции, в стенах исторического Института красной профессуры в феврале–мае 1931 г. и имевшая широкий резонанс. В отечественной историографии о ней известно немного. Фактически, мы располагаем лишь общими сведениями о ходе развернувшихся прений, представленными в отдельных трудах по истории советской новистики [2. С. 315–318; 3. С. 21]. Однако изображенная в них картина прошедших событий оказывается отнюдь не бесспорной. Так, на наш взгляд, их авторы неоправданно игнорировали общий контекст, в котором протекала дискуссия, лишая читателя возможности понять ее значение для развития советской исследовательской традиции. В рамках настоящей статьи мы, напротив, рассмотрим материалы обсуждений, развернувшихся в советской «западноисторической» науке, в контексте общей эволюции советской новистики рубежа 1920–1930-х гг. Для решения поставленной задачи нами будут использованы материалы прений, опубликованные в советской печати (журналы «Историк-марксист», «Борьба классов», «Пролетарская революция», «Вестник Коммуни-

стической академии») и сохранившиеся в фондах отечественных архивов (Архив РАН, РГАСПИ).

Дискуссия на «западном участке исторического фронта», на наш взгляд, стала «заключительным аккордом» в череде обсуждений проблем, накопившихся к началу 1930-х гг. в данной отрасли знания. В частности, ей предшествовали прения в Обществе историков-марксистов и Институте истории Коммунистической академии по вопросу об эволюции германской социал-демократии и «вредительстве» буржуазных историков, работавших после революции в СССР [4, 5]. Проходившие в обстановке «поворота» исторического фронта к решению актуальных проблем социалистического строительства и борьбы с «правыми и левыми уклонами», они, как и многие другие диспуты конца 1920 – начала 1930-х гг., не являлись строго научными прениями, предполагающими обсуждение спорных вопросов на основе принципов научной объективности и взаимного уважения участников [6]. Напротив, данные дискуссии напоминали политические процессы того времени, сочетая элементы научной критики с политическими обвинениями и «разоблачениями» оппонентов. Их общая цель состояла в борьбе с «правыми и левыми уклонами», также обнаруживаемыми в исследовательском пространстве, как и в политическом.

Поводом к началу дискуссии о германской социал-демократии, давно являвшейся объектом исследовательского интереса со стороны советских историков, стремившихся доказать факт ее «перерождения», послужила публикация в XVI томе БСЭ статьи А.А. Зиновьева, признанной его оппонентами ошибочной. Последние полагали, что автор не учел проблему централизма и представил развитие социал-демократического движения в Германии в ложном свете [4. С. 86]. Собравшиеся должны были исправить ошибки А.А. Зиновьева и предложить подлинную марксистскую концепцию истории германской социал-демократии, учитывающую все этапы ее эволюции.

Однако это стремление к поиску истины было отнюдь не единственным побудительным мотивом участников прений. Фактически, их важнейшая задача состояла в том, чтобы доказать, что именно большевики являлись идейными наследниками К. Маркса и Ф. Энгельса, которым, в отличие от их немецких оппонентов, удалось сохранить подлинный революционный дух марксизма. А раз так, то и право трактовать марксизм отныне должно было принадлежать только советским лидерам.

Дискуссия о «буржуазных историках Запада в СССР», в свою очередь, являлась прямым продолжением «академического дела», приведшего к аресту С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других отечественных историков и краеведов, обвиненных в контрреволюционной деятельности [7]. Стремясь выяснить «идейную связь между буржуазной исторической наукой и интересами того класса, который она представляла», участники прений обрушились с критикой на идеи Е.В. Тарле, Д.М. Петрушевского, Н.И. Кареева и других специалистов-«всеобщников», уличая их в различных грехах, начиная от реабилитации государства и заканчивая методологической слабостью и эклектизмом. Особенно сильной была критика в адрес «антантофила» Е.В. Тарле [8. С. 14], являвшегося, по словам Н.М. Лукина, наиболее «вредным» элементом из всех буржуазных историков, работавших после революции в СССР, так как, в отличие от других, он искусно маскировался под марксизм, проталкивая «под видом марксизма абсолютно чуждые и враждебные марксизму концепции» [5. С. 48]. Столь же резкой критика в адрес Е.В. Тарле была и со стороны его ленинградских коллег, поручивших подвести итоги его научной деятельности директору Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии Г.С. Зайделю, который в специальном докладе постарался «обнажить классовое лицо» бывшего академика и доказать, что все его идеи враждебны марксизму [9. С. 8]. Борьба против «буржуазных историков» на «внутреннем фронте» дополнялась борьбой советских ученых с «внешними врагами». В 1930 г. в их число вошел бывший «друг советской России» А. Матъез, из-за своих резких протестов против ареста Е.В. Тарле обвинявшийся в переходе на позиции мелкобуржуазной идеологии [10].

Дискуссия на «западном участке исторического фронта» являлась логичным продолжением подобных обсуждений, только на этот раз огонь критики был направлен не на очевидных оппонентов – ревизионистов из рядов социал-демократии или буржуазных ученых, а на лидеров советских историков-марксистов, специализировавшихся в области истории Западной Европы (Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд, В.П. Волгин и др.). Как мы указывали ранее, начало данной дискуссии принято относить к февралю 1931 г., когда по инициативе кафедры по истории международного рабочего движения и Коминтерна Международной ленинской школы состоялось заседание широких кругов историков-марксистов СССР, посвященное обсуждению резолю-

ции, подготовленной названным центром. Базовая идея представленного документа заключалась в том, что советские историки не оправдали «кредит доверия», выданный им партией, правительством и мировым коммунистическим движением. «К ответу» ученых должны были призвать лидеры ИККИ – Д.З. Мануильский и В.Г. Кнорин, подготовившие программные статьи, в которых они предъявили историкам-марксистам «иск», обвиняя их в неумении разработать вопросы, являющиеся основными для развертывания нормальной работы секций Коминтерна [11–12]. Вполне в духе времени настаивая на увязке теории с практикой, они требовали перенести центр тяжести исследовательской работы советских специалистов в области истории Западной Европы на изучение послевоенного периода, сделав предметом своих изысканий проблемы империализма, послевоенного рабочего и революционного движения в их связи с деятельностью Коминтерна, эволюцию социал-демократии в сторону социал-фашизма и другие политически актуальные и злободневные сюжеты. К изучению заявленных тем советским ученым следовало подходить, вооружившись марксистско-ленинской методологией и координируя свою работу с руководителями Коммунистического Интернационала и профдвижения. Другие участники прений (Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд и др.) в целом выражали согласие с позицией лидеров ИККИ, хотя и пытались более взвешенно оценить результаты работы коллег, отмечая их очевидные заслуги в изучении эпохи промышленного капитализма [13]. Итогом дискуссии стала резолюция, принятая 21 июля 1931 г. Президиумом Коммунистической академии, в состав которой в это время входили Институты красной профессуры. Фиксируя наличие в СССР исключительно благоприятных условий для разработки проблем истории Западной Европы, Президиум, однако, отмечал целый ряд недостатков, выявленных в трудах «бойцов» этого фронта. К числу таковых, в частности, относились недооценка историками ленинского наследия, проникновение в их работу ошибочных либеральных и социал-демократических идей, приведших к «уклонам» в работе не только очевидных оппортунистов (Д.Б. Рязанов, Яроцкий), но и многих руководителей «исторического фронта» (Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд, Г.С. Зайдель, В.П. Волгин и др.). Против обвинений в адрес Н.М. Лукина, А.Ф. Ротштейна, В.П. Волгина и других видных советских ученых протестовал М.Н. Покровский, обратившийся к Президиуму с письмом, в котором ставил под сомнение необходимость подобной разгромной критики, не сопровождающейся отстранением названных ученых от занимаемых ими должностей [14. Л. 128]. Для того чтобы исправить сложившуюся ситуацию, Президиум призывал в кратчайшие сроки произвести решительную перестройку «западноисторического фронта», намечая ряд шагов в данном направлении. В первую очередь, в резолюции был очерчен круг тем, к изучению которых надлежало приступить специалистам по истории Запа-

да. Как того и требовали В.Г. Кнорин и Д.З. Мануильский, в их число вошли сюжеты по истории послевоенного рабочего движения, Коминтерна, фашизма, «военной и послевоенной социал-демократии», империалистической войны, профессионального движения, колониализма и крестьянских движений [15. С. 50–51]. Далее Президиум настаивал на необходимости обратиться к ленинскому наследию, увязать планы работы исследователей с задачами Коминтерна и Профинтерна, ввести ответственных работников данных структур в число руководителей советских исследовательских учреждений исторического профиля, подготовить новые «политически выдержанные» учебники по истории послевоенной эпохи, обеспечить организацию тематических библиографических работ и публикацию соответствующих документальных материалов [Там же. С. 51].

Вынужденные принять навязываемые им правила игры, советские ученые отреагировали на прозвучавшие призывы началом очередной кампании критики и самокритики. Первые шаги в данном направлении были сделаны лидером советских новистов того времени Н.М. Лукиным, опубликовавшим в ближайшем номере журнала «Историк-марксист» передовую статью, призывающую бросить все силы на оплату «векселя», предъявленного советской «западоведческой» науке Коминтерном [16]. Во многом повторив сказанное им ранее, Н.М. Лукин признал справедливость критики, прозвучавшей в адрес советских историков Запада, не сумевших оправдать возлагавшиеся на них надежды, однако, вновь подчеркнул вклад советских ученых в разработку истории революционного движения эпохи промышленного капитализма, также имевшей серьезное политическое значение для современного этапа классовой борьбы. «Разработкой таких проблем, как 9 термидора, они [советские ученые] боролись с устряловской и троцкистской клеветой о неизбежности перерождения нашей партии и советской власти», — утверждал Н.М. Лукин [Там же. С. 4]. Вслед за Н.М. Лукиным на путь самокритики встал Г.С. Зайдель. На открытом заседании, прошедшем летом 1931 г. в Ленинградском отделении Коммунистической академии, он подчеркнул абсолютную справедливость критики, обрушившейся на историков-западников за их нежелание дать должный отпор социал-демократической идеологии и выводам буржуазно-рязановского блока [17. Л. 5, 28]. В подобных «грехах», по его мнению, были повинны все советские специалисты по истории Запада, или допускавшие, как М. Лукин и сам Г.С. Зайдель, серьезные теоретико-методологические ошибки, или уличенные, как А.А. Зиновьев и А.Ф. Ротштейн, в правом оппортунизме, или испытывавшие, как Г.С. Фридлянд и А. Бернштейн, влияние левого оппортунизма [Там же. Л. 21]. Для преодоления общего отставания «западного участка исторического фронта» от решения задач соцстроительства его «бойцам», как того и требовала резолюция Комакадемии, необходимо было вооружиться ленинским наследием и обратиться к ре-

шению актуальных проблем послевоенной истории. По устоявшейся традиции самокритика была дополнена критикой в адрес историков со стороны их коллег. Причем к обсуждению подключились не только столичные, но и провинциальные специалисты, связанные с Обществом историков-марксистов. Уже в июне 1931 г. на конференции ячеек содействия Общества историков-марксистов в адрес Г.С. Зайделя, С.М. Моносова, Г.С. Фридлянда и Н.М. Лукина прозвучали обвинения в неверной постановке проблемы империализма, отличающейся (особенно в работах Н.М. Лукина) излишним академизмом [18]. В Казани работники Восточного педагогического института и Татарского коммунистического университета и вовсе предложили исправить ошибки московских и ленинградских коллег, проведя критику всех антимарксистских построений, все еще находивших отражение в советской учебной литературе [19. Л. 1].

Для советской новистики и дискуссия на «западном участке исторического» фронта, и предшествующие ей обсуждения истории германской социал-демократии и наследия буржуазных историков Запада, в первую очередь, выступали формой мобилизации историков на решение конкретных политических задач. Благодаря им, как мы не раз указывали ранее, в историографии утвердилась идея практической пользы данной отрасли знания для нужд социалистического строительства, в дальнейшем превратившейся в представление об обязательной актуальности всех проводимых изысканий не столько для конкретной отрасли знания, сколько для общества в целом. Кроме того, итогом дискуссии стала легитимация права властных структур вмешиваться в выбор историком и исследовательской проблемы, и инструментария для ее решения (окончательно это право утвердилось после публикации в декабре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» печально знаменитого письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» [20. С. 440–441]). Подобное положение было вполне логичным, учитывая, что историки, даже не являясь членами партии, были ее «бойцами», сражающимися с идеологическим «врагом» на вверенном им участке «фронта», и, следовательно, подлежали партийному контролю. Последний мог проявляться по-разному. В 1930-е гг. он заявлял о себе и при решении кадровых вопросов, когда многие представители первого поколения историков-марксистов были арестованы из-за идеологических ошибок или связей с троцкистами и представителями правой оппозиции; и при разработке конкретных исследовательских тем и сюжетов, когда даже в условиях отказа от преимущественного изучения событий современности советские новисты, в гораздо большей степени, чем антиковеды или медиевисты, испытывали на себе идеологическое воздействие со стороны партийных структур, заинтересованных в сохранении не правдивых, а «полезных» объяснительных моделей недавнего революционного прошлого. Причем если от грубых

форм давления на научное сообщество вскоре все же отказались, то присутствие политически ангажированных концепций было характерно для советской новистики на всем протяжении ее дальнейшей истории. Иными словами, дискуссии 1930–1931 гг. способствовали формированию новых качеств советской исследовательской традиции, объединяемых А.В. Гор-

доном в общее понятие «культура партийности». Именно она, по мнению историографа, определяла работу историков в СССР вплоть до конца 1980-х гг. [21. С. 88–91]. И хотя с терминологией автора можно не соглашаться, сам факт рождения новой модели исторического письма зафиксирован А.В. Гордоном вполне справедливо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 3–7.
2. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941. М.: Наука, 1974.
3. Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И.П. Деметьева и А.И. Патрушева. М.: Простор; ЧеРИО, 2000.
4. Дискуссия о германской социал-демократии // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 83–148.
5. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 44–86.
6. Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 124–161.
7. Академическое дело 1929–1931 гг.: сб. / под ред. В.П. Леонова и др. СПб.: БАН, 1993–1998. Вып. 1–2.
8. Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
10. Лукин Н.М. Новейшая эволюция Альбера Матъеза // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 38–43.
11. Мануильский Д.З. Лицом к боевым задачам Коминтерна! // Борьба классов. 1931. № 2. С. 1–8.
12. Кнорин В.Г. За поворот к боевым задачам Коминтерна! Некоторые проблемы истории Запада // Пролетарская революция. 1931. № 4–5. С. 3–34.
13. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 371. Оп. 2. Д. 172.
14. РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 414.
15. Резолюция президиума Комкадемии о положении и задачах на фронте истории Запада // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 8–9. С. 47–52.
16. Лукин Н.М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта // Историк-марксист. 1931. № 22. С. 3–10.
17. СПФ РАН. Ф. 227. Оп. 2. Д. 83. Л. 5, 28.
18. РАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 206. Л. 12–73.
19. РАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
20. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
21. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.

Metel Olga V. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgametel@yandex.ru

THE DISCUSSION ON THE «WESTERN SECTOR OF THE HISTORICAL FRONT» AND THE DEVELOPMENT OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE 1920S-1930S.

Keywords: the soviet historiography; the history of the West; the Communist Academy; the Society of the Historians-Marxist; the Comintern.

The aim of the presented article is to consider the discussions about the situation at “the western sector of the historical front”. The source base of research consists of the published and unpublished works of soviet historians and members of Communist party: the articles in politics and scientific reviews and the archival materials of discussion (the funds of Archive of Russian Academy of Science and Russian State Archive of Social and Political History). The author analyzed these materials in a broad scientific and political context. This discussion was the last of three others. There were the discussion about German Social-Democracy and the discussion about the bourgeois historians of the West in USSR. The initiators of the discussion at “the western sector of the historical front” were the members of the Leninist international school. The members of the Comintern played a huge role in this discussion, they demanded from the Soviet historians of the West to study the topics necessary for the international revolutionary movement. At the same time, the participants of this discussion criticized the basic ideas of N. M. Lukin, G. S. Fridliand, V. P. Volgin and other Soviet specialists in the history of the West. The goal of this critics was affirmation of authority of the Communist politics in the historical research. The result of the discussion was the resolution of the Presidium of the Communist Academy about the situation at “the front of the history of the West”. The authors of this resolution also criticized the Soviet Marxist historians and wanted to make the main subject of research for Soviet scientists the problem of imperialism. The author of the article came to the following conclusions. The discussion on “the western sector of the historic front” was a form of mobilization of soviet historians. This discussion led to the politicization of Soviet historical science. Now the political power dictated to scientists research topics and methods of its study.

REFERENCES

1. Pokrovskiy, M.N. (1931) O zadachakh marksistskoy istoricheskoy nauki v rekonstruktivnyy period [On the tasks of Marxist historical science in the reconstructive period]. *Istorik-marksist*. 21. pp. 3–7.
2. Dunayevskiy, V.A. (1974) *Sovetskaya istoriografiya novoy istorii stran Zapada 1917–1941* [The Soviet historiography of the Modern history of the West, 1917–1941]. Moscow: Nauka.
3. Demetyev, I.P. & Patrushev, A.I. (2000) *Istoriografiya novogo i noveyshego vremeni stran Evropy i Ameriki* [The Historiography of the Modern and Contemporary times of the countries of Europe and America]. Moscow: Prostor, CheRIO.
4. Anon. (1930) Diskussiya o germanskoy sotsial-demokratii [Discussion about the German Social Democracy]. *Istorik-marksist*. 18–19. pp. 83–148.
5. Anon. (1931) Burzhuaiznyye istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskiy, Kareyev, Buzeskul i dr.) [The bourgeois historians of the West in the USSR (Tarle, Petrushevsky, Kareyev, Buzeskul, etc.)]. *Istorik-marksist*. 21. pp. 44–86.

6. Sakharov, A.N. (1996) Diskussii v sovetskoy istoriografii: ubitaya dusha nauki [The discussions in the Soviet historiography: The murdered soul of the science]. In: Afanasyev, Yu.N. (ed.) *Sovetskaya istoriografiya* [The Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 124–161.
7. Leonov, V.P. et al. (eds) (1998) *Akademicheskoye delo 1929–1931 gg.* [The Academic Affairs of 1929–1931]. St. Petersburg: BAN.
8. Pokrovskiy, M.N. (1928) “Novyye” techeniya v russkoy istoricheskoy literature [The “new” currents in the Russian historical literature]. *Istoriik-marksist*. 7. pp. 3–17.
9. Zaydel, G. & Tsvibak, M. (1931) *Klassovyy vrag na istoricheskom fronte. Doklady G. Zaydelya i M. Tsvibaka o Tarle i Platonove i ikh shkolakh i preniya na ob"yedinennom zasedanii Instituta istorii pri LOKA i Leningradskogo otdeleniya Obshchestva istorikov-marksistov* [The class enemy on the historical front. The Reports of G. Zeidel and M. Zviibak about Tarle and Platonov and their schools and the debate at the joint meeting of the Institute of History at LOCA and the Leningrad branch of the Society of the Historians-Marxist]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
10. Lukin, N.M. (1931) Noveyshaya evolyutsiya Al'bera Mat'yeza [The new evolution of Albert Mathiez]. *Istoriik-marksist*. 21. pp. 38–43.
11. Manuil'skiy, D.Z. (1931) Litsom k boyevym zadacham Komintern! [The face to the combat tasks of the Comintern!]. *Bor'ba klassov*. 2. pp. 1–8.
12. Knorin, V.G. (1931) Za povorot k boyevym zadacham Komintern! Nekotoryye problemy istorii Zapada [For turning to the military tasks of the Comintern! Some problems of the history of the West]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 4–5. pp. 3–34.
13. The Archive of the Russian Academy of Science. Fund 371. List 2. File 172.
14. The Archive of the Russian Academy of Science. Fund 350. List 1. File 414.
15. Anon. (1931) Rezolyutsiya prezidiuma Komakademii o polozhenii i zadachakh na fronte istorii Zapada [The Resolution of the Presidium of the Communist Academy on the situation and tasks at the front of the history of the West]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. 8–9. pp. 47–52.
16. Lukin, N.M. (1931) Za bol'shevistskuyu partiynost' v istoricheskoy nauke. K itogam diskussii na zapadnom uchastke istoricheskogo fronta [For the Bolshevik Party in the Historical Science. To the results of the discussion on the western sector of the historical front]. *Istoriik-marksist*. 22. pp. 3–10.
17. St. Petersburg Branch of the RAS Archive. Fund 227. List 2. File 83.
18. The RAS Archive. Fund 377. List 1. File 206. pp. 12–73.
19. The RAS Archive. Fund 377. List 1. File 122.
20. Korzun, V.P. (ed.) (2005) *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka* [Essays on the history of Russian historical science of the 20th century]. Omsk: Omsk State University.
21. Gordon, A.V. (2009) *Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoy istoriografii* [The Great French Revolution in the Soviet historiography]. Moscow: Nauka.